РУЛЬ

20 Pfennig

5. 7. 1924

съ иллюстрированнымъ воскреснымъ приложеніемъ „НАШЪ МІРЪ"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Wochentag-Ausgabe Nr. 131.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собственными разсыльными ежедневно на домъ 1 зол. марка въ недѣлю, 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 45.000 австр. кронъ, Англію 5 шил., Бельгію 15 бельг. фр., Болгарію 90 лев., Венгрію 47.000 венг. кронъ, Голландію 3 голл. гульдн., Грецію 45 драхмъ, Данію 6 дат. кр., Данцигск. обл. 6 гульд., Испанію 6 пез., Италію 18 ит. лиръ, Латвію 200 латв. руб., Литву 12 литъ, Люксембургъ 15 фр., Мемельск. обл. 12 лит., Норвегію 6 норв. кр., Польшу 6 zloty за 1 мѣс., Португалію 20 эск., Румынію 150 лей, Турцію 120 піастръ, Финляндію 30 фин.м., Францію 15 фр. фр., Чехословакію 24 чеш. кр., Швейцарію 6 шв. фр., Швецію 4,50 шв. кроны, Эстонію 300 эст. мар., Югославію 60 динаръ. Внѣ-европейскія страны: Азію вост. 3 іены, Азію зап. 5 шил., Нид. Инд. 3 голл. гульд., Америку вообще 1,50 долл., Аргент. респ. 3 бум. пезо, Бразилію 9 мильр., Чиле 9 бум. пезо; Африку: Англ. влад. 5 шил., Итал. вл. 18 ит. лиръ, Франц. вл. 15 фр. фр. Къ заказу просить прилаг. деньги, во изб. замедл. высылки.

Объявленія. Цѣна въ золотыхъ маркахъ:

20 золотыхъ пфениговъ за милиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.
1 зол. марка 35 пфен. за милиметръ въ текстѣ.
15 золотыхъ пфениговъ за милиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.
10 зол. пфениговъ для врачей.
15 „ „ „ „ прис. повѣренныхъ.
10 зол. пфен. за милиметръ для ищущихъ мѣстъ.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus", Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ ½2 до ½3 часа дня. Телефонъ редакціи Dönhoff 47-61.

Основанъ **І. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка** и **В. Д. Набоковымъ** †

№ 1089-й | **Суббота, 5 іюля 1924 г.** | **5-й г. изд.**

Сегодня въ номерѣ

Путь на Альпы.
Неустойчивое равновѣсіе — Л. В.
Записки — бар. Н. Врангеля.
Пушкинскій вечеръ въ Брюссель — Л. С.
Совѣтская наука — рис. Mad.

Берлинъ, 4 Іюля.

Путь на Альпы. Лѣтній сезонъ — сезонъ каникулъ, отдыха, лѣченія. Для эмиграціи возможность его использованія чрезвычайно сужена. Трудное хозяйственное положеніе,—для слишкомъ многихъ отчаянное — не позволяетъ о немъ и думать. И все же для иныхъ отдыхъ или лѣченіе являются не роскошью,а просто необходимостью дальнѣйшаго существованія.

Но помимо личныхъ здѣсь встаетъ и особое препятствіе. Искони излюбленныя страны отдыха и лѣченія — Швейцарія и Италія — оказываются для насъ закрытыми; вторая, какъ для эмигрантовъ въ связи съ соглашеніемъ ея съ большевиками, первая, какъ для русскихъ въ силу ея съ большевиками конфликта.

Политика Муссолини въ своемъ родѣ послѣдовательна. Съ нѣсколько примитивной откровенностью, считаясь только съ силой и не умѣя ее вполнѣ правильно оцѣнить, онъ несется въ фарватерѣ совѣтскаго соглашенія. Передъ нимъ рисуются перспективы захвата юга Россіи и подъ этимъ соблазномъ, разъ связавшись съ чортомъ, онъ уже до конца осуществляетъ свою дружбу съ нимъ. Вѣроятно, онъ считаетъ ловкимъ, забирая у контрагента крупное, въ мелкомъ ему угождать, и въ обоихъ случаяхъ обнаруживаетъ удивительное для талантливаго итальянца отсутствіе тонкости: не улавливая, что крупнаго нечего и получать, и не замѣчая, что избытокъ усердія не вызываетъ признательности даже и у меньшихъ циниковъ, нежели большевики. Онъ нѣсколько примитивенъ, но понятенъ.

Непонятно за то отношеніе швейцарскаго правительства. Изъ того, что совѣтская власть вела себя вызывающе-нагло — предпринимать репрессаліи противъ ея жертвъ и враговъ — по меньшей мѣрѣ политически необоснованно. Конечно, самое простое отмахнуться сразу отъ обѣихъ сторонъ. Все же не мѣшаетъ подумать, что при этомъ отмахиваешься отъ живыхъ людей. Особенно странно подобную нечувствительность наблюдать въ странѣ, гдѣ засѣдаетъ Лига Націй (которой, кажется, поручены и заботы о насъ) и всевозможныя другія международныя ассоціаціи, гуманитарныя учрежденія, идеалистическія предпріятія; гдѣ свобода родилась и не умирала, гдѣ и въ выстрѣлѣ Конради услыхали отголосокъ клятвы на Рютли; въ исконномъ убѣжищѣ преслѣдуемыхъ и угнетенныхъ.

За что же передъ нади закрываютъ входъ. Офиціально — за поступки нашихъ преслѣдователей; фактически же за то, что мы остались вѣрны нашей родинѣ. Если за время упадка Россіи мы оптировали за отпадавшія отъ нея государства или просто въ нашихъ скитаніяхъ запаслись документомъ изъ случайныхъ эталовъ нашего изгнаническаго пути —входъ открытъ для насъ, какъ для всего міра. Но если сохраняемъ покрытые визами и надписями наши старые документы, если мы вѣрно хранимъ эти бумажные символы нашей былой государственности, то вотъ за эту вѣрность, за нашъ отказъ отъ отказа — передъ нами закрываютъ двери. Вѣрнымъ нѣтъ входа. И даже серьезно больному, чья болѣзнь засвидѣтельствована безспорнымъ для швейцарскаго правительства образомъ и чье имя гарантируетъ отъ какихъ либо сомнѣній, для котораго поѣздка на спасительныя высоты есть вопросъ будущей дѣятельности, а можетъ быть, жизни —входъ прегражденъ.

Вопросъ этотъ выходитъ за узкіе предѣлы цѣлесообразности. Русское общество поколѣніями устремлялось въ Швейцарію и Италію по разнымъ основаніямъ, но съ одинаковымъ любовнымъ постоянствомъ. Насъ манили художественныя сокровища музеевъ и храмовъ; великія воспоминанія приводили насъ въ колизей и катакомбы, насъ манила гладь лазореваго моря и жаркое солнце юга. И мощь альпійскихъ высотъ и вѣчная бѣлизна глетчеровъ роднили насъ съ народами Гельвеціи, какъ и безтревожная свобода ея учрежденій. Все равно — любознательность или мода, привычка или восторгъ, глубокія переживанія или легкая проторенность колеи, — мы десятилѣтіями наполняли благословенныя страны. И сколькіе изъ насъ унесли въ своихъ душахъ — и будутъ нести даже и полузабытыми — неизгладимые слѣды ихъ сокровищъ, ихъ небесъ, ихъ учрежденій. Насъ принимали, насъ звали, насъ ожидали.

Разрушена наша родина, разбито наше государство — и вотъ намъ преграждаютъ путь. Пусть въ нашихъ бѣдствіяхъ — это далеко не горшее, далеко не обиднѣйшее. Но есть здѣсь горечь, которой могло бы не быть, которой быть не должно. Мы не забудемъ изъ за нея того прекраснаго, что намъ дали эти страны. Но мы ничего не забудемъ, не забудемъ и ненужной обиды.

Прежде всего и обернувшись на себя, мы поймемъ, что безъ опоры въ собственной государственной мощи, мы даже и любить не можемъ свободно другихъ, что намъ нужна крѣпкая государственность въ Петербургѣ, чтобы спокойно любоваться Монбланомъ или изучать фрески Микель Анджело.

Твердо должны мы понять: путь въ Женеву или Римъ ведетъ не на Бреннеръ или Базель — а на Москву и Петербургъ. И не другимъ, а себѣ мы должны отчетливо сказать: черезъ Москву и Петербургъ мы вернемся къ вамъ въ Женеву или Римъ — если захотимъ.

Рѣшающее совѣщаніе въ Лондонѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Лондонъ, 4. 7.

По сообщенію «Daily News» сегодня состоится рѣшающее совѣщаніе совѣтскихъ делегатовъ съ представителями англійскихъ держателей русскихъ государственныхъ бумагъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи выяснится, возможно ли соглашеніе по вопросу о долгахъ Россіи. Этимъ рѣшится и вопросъ о возможности совѣтскаго займа въ Лондонѣ. Отъ исхода сегодняшнаго совѣщанія будетъ зависѣть судьба предположеннаго на будущей недѣлѣ общаго засѣданія англо-совѣтской конференціи.

Лондонскіе финансовые круги, какъ извѣстно, настаиваютъ на томъ, чтобы до разрѣшенія вопроса о займѣ было достигнуто удовлетворительное рѣшеніе о старыхъ долгахъ Россіи. Сверхъ того англійскіе финансисты несомнѣнно потребуютъ гарантій неприкосновенности иностраннаго частнаго капитала въ Россіи. Дальнѣйшее требованіе англійскихъ финансистовъ состоитъ въ томъ, чтобы бюджетъ совѣтскаго правительства былъ приведенъ въ равновѣсіе и чтобы государственные доходы обезпечивали уплату процентовъ по займамъ. Помимо всего этого англійскіе капиталисты намѣрены поставить условіемъ, чтобы имъ было предоставлено участіе въ распоряженіи той суммой, которая будетъ получена путемъ займа. Другими словами, однимъ изъ существенныхъ условій займа будетъ предоставленіе англійскимъ капиталистамъ контроля надъ совѣтскими финансами.

Въ крайне рѣзкой передовой статьѣ «Times» доказываетъ, что продолжать переговоры не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ Англія совершенно не заинтересована въ томъ, чтобы предоставлять совѣтскому правительству средства на противобританскую агитацію III интернаціонала, который намѣренъ продолжать свою пропаганду, не смотря на бѣдственное экономическое положеніе въ Россіи.

Въ заключеніе газета пишетъ: «Въ то время, какъ въ Лондонѣ вяло тянутся переговоры, коммунистическая реакція въ Россіи безпощадно подавляетъ проявленія естественной эволюціи не нормальнаго положенія. Почему такъ участились аресты и высылки? И какую цѣль преслѣдуетъ вообще нынѣшняя англо-совѣтская конференція, уже совершенно истощившая свои силы и утратившая всякое довѣріе? Это стало совершенно непонятнымъ».

Отсрочка признанія совѣтскаго правительства.

Лондонъ, 4. 7.

По сообщенію изъ Парижа, министерство иностранныхъ дѣлъ приняло рѣшеніе отложить признаніе совѣтскаго правительства до междусоюзной конференціи.

*

Французскіе банки и совѣтское правительство.

30-го іюня при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ состоялось второе совѣщаніе представителей фирмъ и группъ заинтересованныхъ въ Россіи. Въ связи съ этимъ совѣщаніемъ крупные парижскіе банки, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Times» частнымъ образомъ довели до свѣдѣнія французскаго правительства, что вопросъ о признаніи совѣтскаго правительства de jure, какъ вопросъ чисто политическій ихъ не касается, но что они считаютъ своимъ долгомъ заявить правительству, что совѣтское правительство не можетъ расчитывать на какую бы то ни было поддержку со стороны крупныхъ парижскихъ банковъ, пока не разрѣшены вопросъ о довоенныхъ долгахъ и о возмѣщеніи ущерба, причиненнаго французамъ, заинтересованнымъ въ Россіи. (и)

Неустойчивое равновѣсіе.

(Письмо изъ Рима.)

Политическая буря, вызванная убійствомъ депутата Маттеотти, постепенно улеглась. Газеты, которыя еще недавно, — независимо отъ ихъ политическаго направленія, — были полны нескончаемыхъ разсужденій и всякаго рода «информацій» по поводу этого дѣла, теперь удѣляютъ ему лишь скромное мѣстечко.

Но это не значитъ, что кризисъ вызванный убійствомъ Маттеотти, миновалъ. Онъ только изъ остраго сталъ хроническимъ. Враждующія партіи за эти недѣли только утвердились въ своихъ позиціяхъ, — очень далекихъ отъ какого бы то нибыло примиренческаго и согласительнаго настроенія.

Еще три недѣли тому назадъ въ Италіи все держалось и строилось на почти безграничномъ авторитетѣ Муссолини. Его одни любили, другіе ненавидѣли, но кажется всѣ одинаково считали его какимъ то сверхъ-человѣкомъ и по уму и по безкорыстной преданности національной идеѣ новой, великой Италіи. Теперь онъ превратился для итальянцевъ въ простого смертнаго, причемъ въ смертнаго, который или не видѣлъ, что рядомъ съ нимъ вытворяли его ближайшіе друзья, или — что еще хуже — не хотѣлъ этого видѣть. На улицахъ Рима, гдѣ еще нѣсколько дней тому назадъ красовались во всѣхъ витринахъ портреты Муссолини, и гдѣ открытки «съ Муссолини» покупались на расхватъ, теперь выставлены портреты убитаго Маттеотти и на продажѣ ихъ всякаго рода ловкіе дѣльцы такъ же набиваютъ себѣ карманы, какъ прежде набивали ихъ, продавая Муссолини.

Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что Муссолини потерялъ въ Италіи свой авторитетъ окончательно и безповоротно.

Ему теперь ничего не остается, какъ считаться съ совершившимся поворотомъ въ общественномъ мнѣніи. Причемъ въ поворотѣ этомъ въ сущности гораздо большую роль, чѣмъ самое убійство Маттеотти, и даже чѣмъ непосредственное причастіе къ нему цѣлаго ряда личныхъ друзей и довѣренныхъ лицъ Муссолини, сыграло его собственное, странное и необъяснимое поведеніе, во все время послѣ раскрытія убійства.

Даже послѣ того, какъ вся политическая, фашистская подкладка убійства стала совершенно ясной, у Муссолини была еще полная возможность спасти свой авторитетъ. Стоило только ему сказать въ парламентѣ сильную, чисто Муссолиніевскую, рѣчь, съ безусловнымъ осужденіемъ убійства, и начать «чистку» правительственныхъ учрежденій, и онъ продолжалъ бы быть героемъ дня, несмотря даже на убійство. Но онъ — послѣ нѣсколькихъ блѣдныхъ и казенныхъ словъ на слѣдующій день послѣ убійства — замолчалъ и промолчалъ больше двухъ недѣль. Этого было достаточно, чтобы всюду пошли толки о томъ, что онъ молчитъ, потому что не можетъ говорить...

И когда онъ, наконецъ, заговорилъ въ Сенатѣ и на оффиціальномъ собраніи парламентскаго фашистскаго большинства, это былъ уже не прежній Муссолини. Тутъ, вдругъ, заговорилъ хитрый дипломатъ, старающійся и своихъ не погубить и чужимъ угодить. Но одного только не было въ обѣихъ этихъ рѣчахъ: искренности и силы убѣжденія!

Не удивительно поэтому, что объ эти правительственныя декларацін въ конечномъ счетѣ только укрѣпили положеніе оппозиціи. На пленарномъ собраніи всѣхъ оппозиціонныхъ группъ, на которое явились —правда лишь въ качествѣ молчаливыхъ и не голосующихъ «свидѣтелей», — и коммунисты, рѣшено продолжать саботажъ, не участвовать въ работѣ и засѣданіяхъ парламента, и требовать отставки